

ПРОЩЕНИЕ ДОЛГА КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ ДОКТРИНЫ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ (часть II)

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-56-65>

Современная сложная социально-экономическая ситуация, сложившаяся как в России, так и в большинстве стран мира, обусловленная пандемией новой коронавирусной инфекции и связанная с непомерно высокой нагрузкой на предпринимателей, массовым закрытием предприятий малого и среднего бизнеса, преддефолтным состоянием значительного количества предприятий крупного бизнеса, влечет за собой актуализацию в целом вопросов прекращения обязательств, не связанных с их исполнением. Возросла, в частности, у участников экономической деятельности востребованность такого правового механизма, как прощение долга, что, предполагается, повлечет за собой новый этап в его правовом исследовании, учитывая значительное количество связанных с ним неразрешенных проблем доктрины, правового регулирования и правоприменительной практики. Целью настоящего исследования является рассмотрение целого ряда актуальных вопросов, связанных с прощением долга. Во второй части исследования проведен общетеоретический анализ прощения долга на предмет установления его возмездности и соотношения с иными способами прекращения обязательств. Изучены вопросы предмета и формы сделки, а также спорные аспекты прощения долга по обязательствам, носящим личный характер. Предметом исследования выступили нормы российского законодательства, регулирующие вопросы прощения долга, и существующие в правовой науке взгляды, представления о прощении долга как способе прекращения гражданско-правовых обязательств. Теоретико-методологическую основу работы составили труды ученых-цивилистов, затрагивающих различные аспекты прощения долга. Характер анализируемых вопросов обусловил применение общенаучных методов эмпирического и теоретического исследования: логического, системного и функционального. Системно-правовой подход был применен во взаимодействии с формально-юридическим методом исследования. По результатам проведенного исследования во второй части работы были сделаны выводы о том, что обязательным условием для реализации прощения долга между коммерческими организациями выступает не возмездность как таковая, а имущественная выгода либо экономический интерес, а также о необходимости дифференцированно по субъектному составу подходить к решению вопроса о допустимости прощения долга в личных обязательствах. Обосновывается общий вывод о невозможности достижения единообразия в применении института прощения долга на сегодняшний день без внесения изменений в ГК РФ.

КОЗЛОВА

Елена Борисовна*

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

kozlova@urexpert.ru

ЧЕРЕПАНОВА

Диана Константиновна**

студентка 5-го курса юридического факультета Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

diana.cherepanova97@mail.ru

**Прощение долга;
прекращение обязательств;
прощение долга как сделка;
способы прекращения
обязательств;
прощение долга по личным
обязательствам;
прощение долга
коммерческими
организациями**

* Раздел 5.

** Разделы 3, 4, 6.

Elena B. KOZLOVA

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Civil and Business Law, All-Russian State University of Justice (Moscow)

kozlova@urexpert.ru

Diana K. CHEREPANOVA

Firth-Year Student, All-Russian State University of Justice (Moscow)

diana.cherepanova97@mail.ru

**Debt forgiveness;
termination of obligations;
debt forgiveness as a deal;
ways to terminate obligations;
debt forgiveness for personal
obligations;
debt forgiveness by commercial
organizations**

DEBT FORGIVENESS AS A GROUND FOR TERMINATION OF OBLIGATION: PROBLEMS OF DOCTRINE, LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE (part II)

The current difficult socio-economic situation, which has developed both in Russia and in most countries of the world, caused by the pandemic of the new coronavirus infection and associated with an unreasonably high burden on entrepreneurs, the massive closure of small and medium-sized businesses, the pre-default state of a significant number of large enterprises, entails for itself updating in general the issues of termination of obligations not related to their performance. In particular, the demand for such a legal mechanism as debt forgiveness has increased among participants in economic activity, which is supposed to entail a new stage in its legal research, given the significant number of unresolved problems of doctrine, legal regulation and law enforcement practice associated with it. The purpose of this study is to address a range of pressing issues related to debt forgiveness. In the second part of the study, a general theoretical analysis of debt forgiveness was carried out with a view to establishing its retribution and correlation with other methods of termination of obligations. The issues of the subject and form of the transaction, as well as the controversial aspects of debt forgiveness for obligations of a personal nature, have been studied. The subject of the research was the norms of Russian legislation governing the issues of debt forgiveness and the views existing in legal science, ideas about debt forgiveness as a way to terminate civil obligations. The theoretical and methodological basis of the work was formed by the works of civil scientists, touching upon various aspects of debt forgiveness. The nature of the issues analyzed led to the use of general scientific methods of empirical and theoretical research: logical, systemic and functional. The systemic legal approach was applied in conjunction with the formal legal research method. According to the results of the study, in the second part of the work, it was concluded that a prerequisite for the implementation of debt forgiveness between commercial organizations is not repayment as such, but property benefit or economic interest, as well as the need to differentiate by subject composition to approach the issue of admissibility of debt forgiveness in personal obligations. The general conclusion is substantiated that it is impossible to achieve uniformity in the application of the institution of debt forgiveness today without amending the Civil Code of the Russian Federation.

3. Возмездность сделки по прощению долга и соотношение с иными способами прекращения обязательств

Вопрос о возмездности прощения долга прямо вытекает из дискуссии по признанию его двусторонней сделкой. Закон не содержит положений, указывающих на возмездный характер, к тому же нельзя говорить о встречном предоставлении в рамках рассмотрения концепции прощения долга, как односторонней сделки. Однако если взять за истину, что при прощении долга существуют два волеизъявления, а квалифицирующими признаками являются наличие имущественной выгоды кредитора в результате прощения или получение им иного экономического интереса [1], то невольно можно прийти к выводу о возмездном характере рассматриваемой сделки.

Однако, например, М. И. Брагинский и В. В. Витрянский исходили из того, что «признаком прощения долга как особого способа прекращения обязательств служит то, что при нем не предполагается какое бы то ни было встречное удовлетворение, иначе отношения сторон превратятся, в зависимости от обстоятельств, в новацию или отступное» [2, с. 261].

Представляется необходимым отграничить прощение долга от иных способов прекращения обязательств в связи с тем, что нередко происходит подмена таких институтов на практике. Так, например, стороны заключают соглашение об отступном, тогда как суд впоследствии квалифицирует сделку как прощение долга. Такая ситуация возникает, когда сумма денежных средств либо стоимость иного имущества, переданных должником, не равна неисполнен-

ному обязательству [3], что может быть признано частичным прощением долга и соответственно повлечет за собой установленные в законе ограничения. При этом, сама правовая природа отступного заключается в том, что оно порождает новое обязательство, которое и прекращает собой прежнее, тогда как при прощении долга для прекращения первого обязательства необходимо лишь достижение согласия сторон, а новое обязательство существует независимо от прекращенного, что иллюстрирует разграничение данных институтов по критерию возмездности. При новации прежнее обязательство трансформируется в новое, например, договор купли-продажи в договор займа.

Наиболее интересным видится соотношение зачета с конструкцией соглашения о взаимном прощении долгов, которое, как отмечает А. Ю. Ноздрачева [4, с. 209], является самым очевидным примером отсутствия намерения одарить должника и одновременно возмездной конструкцией прощения долга. Для прекращения обязательства зачетом законодательством предусмотрены жесткие ограничения: в первую очередь, обязательство должно быть однородным (чаще всего речь идет о выплате денежных средств), во-вторых, встречным, т.е. зачет возможен только по обязательствам между одними и теми же сторонами, в которых каждое лицо выступает и в качестве кредитора, и в качестве должника (ст. 410 ГК РФ), при этом необходимо наступление срока исполнения по таким обязательствам либо отсутствие его в договоре (исполнение обязательства по требованию). Иначе говоря, чтобы избрать для себя данный способ прекращения обязательств, сторонам придется соблюдать установленные правила.

Вместе с тем очевидна ситуация, при которой стороны при наличии взаимных требований не могут воспользоваться данным способом прекращения обязательства, например, по причине их неоднородности (оплата по одному обязательству производилась в национальной валюте, по второму – в иностранной). В данном случае стороны могут прийти к соглашению о взаимном прощении долгов, который пусть не тождественен зачету по своей правовой природе, однако эти два способа способствуют достижению одной и той же цели на практике. Несмотря на то что, по сути, взаимное прощение долгов в данном случае будет являться прикрытием прекращения обязательства зачетом и законным способом обойти установленные ограничения, при этом взаимное прощение долга стоит рассматривать как альтернативный способ прекращения, но не как нарушение закона. Так, в постановлении от 8 июня 2017 г. по делу № А70-6147/2016 Восьмой арбитражный апелляционный суд квалифицировал прекращение обязательства зачетом как взаимное прощение долгов, указав на то,

что «подписанием подобного рода соглашений стороны фактически приходят к соглашению о прекращении обязательств, указанных в этих актах путем взаимного прощения долга на возмездной основе, так как взамен прощения своего долга перед одним лицом сторона прощает долг другому лицу» [5]. Иначе говоря, сторонами в данном случае было нарушено требование о встречности предоставления и подписано многостороннее соглашение о зачете, при котором не во всех случаях зачет был произведен между одними и теми же сторонами в обязательствах. При этом если бы стороны заключили соглашение о взаимном прощении долгов, то можно было бы избежать признания сделки недействительной.

Как показывает судебная практика, встречное предоставление в виде имущественной выгоды при прощении долга могут входить в одно соглашение между сторонами, которое может доказать их взаимосвязь в судебном порядке. Так, в решении Арбитражного суда Республики Бурятия от 23 августа 2016 г. по делу № А10-2788/2016 [6] именно установленная взаимосвязь между прощением и имущественной выгодой для кредитора стала основанием для отказа в удовлетворении требований о признании прощения долга дарением. В мировом соглашении стороны указали на то, что «у ответчика отсутствует финансовая возможность оплатить долг, что как раз и составляет потенциальное основание для достижения договоренности о прощении долга во взаимосвязи с платежом в погашение долга в непросщенной части без обращения в суд». Таким образом, может быть подтверждено наличие имущественной выгоды как одного из обязательных условий для признания прощения долга состоявшимся для коммерческих организаций.

Другим вариантом для подтверждения отсутствия *animus donandi* (намерения одарить) является иной экономический интерес, который представляет собой еще более неопределенную правовую категорию. Например, в определении ВС РФ от 20 августа 2020 г. [7], суд признал иным экономическим интересом «попытку повысить ликвидность акций банка, от которой зависела ликвидность принадлежащего контролирующему лицу пакета акций банка», т.е. фактически, как комментирует А. Г. Карапетов: «ВС РФ отнес к возмездности ситуацию, когда кредитор прощал долг своему подконтрольному обществу, не получая ничего взамен от самого общества, но при этом преследуя свой понятный экономический интерес и выигрывая как бенефициар от улучшения экономического состояния своего общества» [8]. Данная ситуация, представляется, вовсе не иллюстрирует возмездный характер прощения долга, а лишь указывает на заинтересованность кредитора простить, при этом встречное предоставление явно отсутствует.

На сегодняшний день отсутствует законодательное определение понятий «имущественная выгода» и «экономический интерес», что влечет за собой возможность их трактовки судами лишь на конкретных примерах в рамках определенного дела. Определение имущественной выгоды в большинстве случаев дается лишь в рамках доктрины уголовного права, например: «имущественная выгода – это действия имущественного характера, совершаемые лицом с объектами гражданских прав и направленные на извлечение имущественных благ посредством экономии собственного имущественного фонда, извлечения прибыли либо избавления от материальных затрат» [9, с. 183]. Представляется, что в рамках условия для прощения долга между коммерческими организациями имущественной выгодой можно признать конкретный результат, имеющий определенную и прогнозируемую стоимость, который получит кредитор после свершившегося прощения долга. В рамках сложившейся судебной практики суды признавали в качестве имущественной выгоды несколько ситуаций: сокращение срока исполнения обязательства, прощение части долга и взыскание оставшейся части в досудебном порядке, признание долга, предоставление дополнительного обеспечения возврата непущенной части долга. Перечень является открытым, что нашло свое отражение в позиции Верховного Суда РФ [1].

Определение экономического интереса содержится лишь в трудах по теории экономики. Например, Е. В. Панюшкина трактует данное понятие следующим образом: «экономические интересы – это формы проявления потребностей и экономических отношений, выражающейся в объективном стремлении хозяйствующих субъектов к обновлению социально-экономических отношений, институтов и механизмов их реализации с целью достижения экономической выгоды, более высокого жизненного уровня» [10]. В отличие от имущественной выгоды, экономический интерес не имеет точного стоимостного выражения, но им может признаваться любое прогнозируемое улучшение положения кредитора на рынке либо в отдельно взятых взаимоотношениях с должником. На данном этапе развития института прощения долга существуют примеры, непосредственно иллюстрирующие экономический интерес, такие как: предоставление должником скидок для будущих сделок с кредитором, спасение выгодного контрагента-должника от банкротства и др. Видится необходимым развитие данных категорий в доктрине и расширение перечня примеров в решениях высших судебных инстанций, в том числе в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» [1] (далее – ПП ВС № 6).

Судебная практика, складывающаяся после принятия ПП ВС № 6, исходит из того, что «само по себе заключение кредитором и должником соглашения о прощении долга не свидетельствует о совершении ими безвозмездной сделки». Однако думается, что в рамках сделки по прощению долга нельзя подменять сущность встречного предоставления имущественной выгодой и экономическим интересом, в первую очередь потому, что выгода возникает как результат свершившегося прощения долга, т.е. после заключения сделки, а интерес – как побуждение к совершению прощения, т.е. до момента заключения сделки. Оба этих условия и их последующее исполнение стоят за временными рамками непосредственно отправления уведомления и получения согласия на него. Например, экономический интерес может даже не быть реализованным в будущем: должник, которого пытался сохранить на рынке кредитор, обанкротился по иным причинам, но это не повлечет правовых последствий для свершившегося прощения долга. И выгоду, и интерес можно признать лишь возможными доказательствами отсутствия *animus donandi* при возникновении судебного спора. Таким образом, прощение долга само по себе носит безвозмездный характер, однако кредитор обязан указывать в уведомлении причину, по которой прощение долга может быть выгодно ему самому или какой экономической интерес из прощения он может для себя извлечь. Такие указания важны не только при разрешении судебных споров, но и потому что конкретная имущественная выгода кредитора может стать причиной отказа должника от прощения долга.

Продолжая тему признания прощения долга законным в судебном порядке, нельзя не отметить постановление от 28 апреля 2018 г. по делу № А75-5697/2017, в котором Арбитражный суд Западно-Сибирского округа признал прощение долга свыше 3 млн руб. между коммерческими организациями состоявшимся в условиях отсутствия в соглашении какого-либо подтверждения имущественной выгоды или экономического интереса кредитора, поддержав решение апелляционной инстанции: «в соответствии с требованиями ст. 65 АПК РФ доказательства того, что сделка имеет безвозмездный характер и должна быть квалифицирована как дарение, обязана представлять сторона, настаивающая на данном доводе» [11]. В рассматриваемом деле истец не предоставил доказательств безвозмездности сделки. Данное решение суда ярко иллюстрирует участникам гражданских правоотношений, что даже рискованное и ненадежное соглашение по прощению долга, формально подпадающее под запреты, установленные для договора дарения, казалось бы, абсолютно не способное выдержать ни одного судебного разбирательства, все же может дойти до кассационной инстанции и остаться состоявшимся и законным.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что обязательным условием для реализации прощения долга между коммерческими организациями выступает не возмездность как таковая, а указанная в соглашении о прощении долга или установленная в судебном порядке имущественная выгода либо экономический интерес. При этом вышеизложенное доказывает, что данные категории не порождают возмездность, так как не несут в себе обязательство по встречному предоставлению. В реалиях сложившейся судебной практики на сегодняшний день выгоду и интерес можно признать лишь необходимыми условиями для разблокирования механизма прощения долга в отношениях между предпринимателями, так как дарение между коммерческими организациями запрещено, а заключение непоименованного безвозмездного договора с обязательным указанием причин прощения (интереса и выгоды) – нет. Таким образом, прощение долга между любыми субъектами стоит признать безвозмездной сделкой.

Исключением из такого вывода о безвозмездности можно считать ситуацию взаимного прощения долгов, например, реализованного в рамках одного мирового соглашения. Иначе говоря, возмездность такого прощения заключается в том, что одна сторона прощает обязательство второй стороне только на основании того, что ей простят обязательство в ответ.

4. Предмет прекращения долга и форма сделки

Предметом сделки по прощению долга является договорное или внедоговорное обязательство. На взгляд некоторых исследователей, предметом не могут являться исключительно внедоговорные обязательства, прекращение которых по смыслу закона возможно лишь исполнением: алиментные обязательства, а также обязательства из причинения вреда жизни и здоровью. Такой подход обусловлен их направленностью на удовлетворение публичного интереса, хотя ряд исследователей не видит препятствий к прощению такого рода обязательств [12].

Наиболее важной проблемой можно считать выявление из самой сделки существа прощаемого обязательства, которое складывается из двух составляющих: идентификации прощаемой обязанности и определения ее размера. О размере прощаемого обязательства Верховный Суд РФ в п. 32 ПП ВС № 6 разъяснил, что в ст. 415 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) подразумевается прощение долга как полностью, так и в части, а также как основного обязательства, так и дополнительного. В первую очередь здесь необходимо установить волю сторон на размер прощаемого долга, если установить волю не представляется возможным, то обязательства считается прощенным в полном объеме вместе с дополнительными требованиями, включая неустойку. Верховный

Суд РФ, представляется, снова не зря указал именно на волю обеих сторон, а не на исключительную волю кредитора, так как важным для установления является не только то, сколько именно хотел простить кредитор, но и то, какую сумму принял за прощенную должник. При определенных обстоятельствах, особенно при отсутствии письменного соглашения сторон, а также при ненадлежащем уведомлении должника, такие суммы могут отличаться. Верховный Суд РФ разъяснил также и то, что прощение основного долга не влечет автоматического прощения дополнительных обязательств, главным условием является конкретизация такого прощения. Если в соглашении (уведомлении) указан лишь размер прощаемого долга в определенном денежном выражении без отнесения такой суммы к основному долгу, процентам или неустойке, то очередность прекращения соответствующих требований устанавливается применительно к правилам ст. 319 ГК РФ (п. 34 ПП ВС № 6).

Идентификация прощаемой обязанности заключается, согласно п. 33 ПП ВС № 6, в указании на условия ее выполнения, чтобы отграничить ее от других обязанностей в одном сложном обязательстве (договоре). Если идентифицировать и выделить конкретную прощаемую обязанность из соглашения (уведомления) невозможно, то прощенным считается все обязательство в полном объеме. Таким образом, можно сделать вывод о том, что точное указание на размер прощаемого обязательства, а также на конкретную обязанность не является существенным условием соглашения, в отличие от указания на те правоотношения, которые породили прощаемое обязательство.

Закон не устанавливает для прощения долга обязательной письменной формы, поэтому заключение возможно также в устной и конклюдентной форме. Как верно отмечает А. А. Павлов [12], указанное в ст. 415 ГК РФ уведомление означает любое доведение воли кредитора до должника. Конклюдентными действиями в данном случае может выступать возврат расписки кредитором на руки должнику или уничтожение такой расписки в присутствии должника.

5. Прощение долга по обязательствам личного характера

Следует особо остановиться на вопросе возможности прекращения долга по обязательствам по уплате алиментов и возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью, т.е. обязательств, носящих так называемый личный характер.

Говоря об алиментных обязательствах, необходимо подчеркнуть, что ст. 120 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [13] исчерпывающим образом устанавливает основания прекращения таких обязательств в случаях их взыскания в судебном порядке: достижение ребенком совершеннолетия или им

полной дееспособности до достижения совершеннолетия; усыновление (удочерение) ребенка, на содержание которого взыскивались алименты; признание судом восстановления трудоспособности или прекращения нуждаемости в помощи получателя алиментов; вступление нетрудоспособного нуждающегося в помощи бывшего супруга – получателя алиментов в новый брак; смерть получателя или плательщика алиментов.

Но алиментные обязательства могут быть установлены не только судебным актом, но и соглашением об уплате алиментов, к которому согласно ст. 101 СК РФ применяются нормы ГК РФ, регулирующие заключение, исполнение, расторжение и признание недействительными гражданско-правовых сделок.

Как уже отмечалось, согласно ст. 415 ГК РФ прекращение обязательства прощением долга возможно, если это не нарушает прав других лиц в отношении имущества кредитора, а в соответствии со ст. 407 ГК РФ стороны своим соглашением вправе прекратить обязательство, если иное не установлено законом или не вытекает из существа обязательства.

В правовой доктрине превалирует мнение, что обязательства, носящие личный характер, не могут прекращаться прощением долга [14; 15; 16]. Однако данная точка зрения представляется немного упрощенной. Представляется целесообразным рассмотреть соглашение об уплате алиментов в контексте возможного прекращения порожденных им обязательств прощением долга исходя из субъектного состава такого соглашения.

Как следует из ст. 99 СК РФ соглашение об уплате алиментов заключается между лицом, обязанным уплачивать алименты и их получателем, а при недееспособности лица, обязанного уплачивать алименты, и (или) получателя алиментов – между законными представителями этих лиц. Не полностью дееспособные лица заключают соглашение об уплате алиментов с согласия законных представителей. Но, кроме того, давно отмечено, что соглашения об уплате алиментов могут быть заключены между лицами как имеющими право на взыскание алиментов в судебном порядке, так и между лицами, вообще не отнесенными к кругу лиц, уполномоченных требовать алименты в судебном порядке: например, лицами, находящимися в фактических брачных отношениях и др. лицами [17, с. 98]. В связи с этим необходимо оговориться, что для целей настоящего исследования за основу взята классификация алиментных обязательств по субъектному составу, представленная в СК РФ.

Алиментные обязательства родителей и детей (ст. 80–88 СК РФ), в свою очередь, можно подразделить на обязательства, в которых плательщиком алиментов выступают родители и обязательства, в которых плательщиками выступают дети.

Родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей, в том числе несовершеннолетних детей, оставшихся без попечения родителей, а также своих совершеннолетних нетрудоспособных детей, под которыми понимаются лица, признанные в установленном порядке инвалидами I, II или III группы, а также лица, достигшие общеустановленного пенсионного возраста, что разъяснено п. 7 постановления пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 [18].

Получателем алиментов при их выплате на несовершеннолетнего ребенка, являющегося недееспособным, является несовершеннолетний ребенок, во время как субъектами соглашения об уплате алиментов в этом случае выступают родители ребенка – один в качестве плательщика алиментов, другой – в качестве законного представителя несовершеннолетнего ребенка.

При заключении соглашения об уплате алиментов на ребенка, оставшегося без попечения родителей, алименты выплачиваются опекуну (попечителю) или приемным родителям. Если алименты выплачиваются на детей, находящихся в образовательных, медицинских организациях, организациях социального обслуживания и в аналогичных организациях, зачисляются на счета этих организаций. Фактически на эти организации распространяются функции опекунов и попечителей [19, с. 26]. Соответствующим образом формируется и состав соглашения об уплате алиментов.

В случаях, когда алименты выплачиваются на совершеннолетнего нетрудоспособного ребенка, являющегося недееспособным, соглашение об уплате алиментов в интересах ребенка подписывает законный представитель или опекун. Если ребенок является не полностью дееспособным, то соглашение об уплате алиментов может заключать он сам, но с согласия попечителя или законного представителя – другого родителя.

Очевидно, что во всех вышеперечисленных случаях прекращение обязательства по уплате алиментов путем прощения долга (которое должно бы осуществляться родителем как законным представителем, приемными родителями, опекуном (попечителем) не представляется возможным, так как в любом случае повлечет за собой нарушение имущественных прав ребенка, уменьшение объема его имущества.

В данном случае применительно к участию в рассматриваемых отношениях опекунов и попечителей, следует обратить внимание на положения ст. 4 и 7 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [20] и разъяснения Федеральной службы по труду и занятости, данные в Руководстве по соблюдению обязательных требований в сфере опеки и попечительства в отношении совер-

шеннолетних недееспособных или не полностью дееспособных граждан, все действия, предпринимаемые опекуном (попечителем), органами опеки и попечительства, организациями и лицами в рамках правоотношений по опеке (попечительству), должны быть направлены на обеспечение прав и законных интересов недееспособного или не полностью дееспособного лица [21]. Это же можно отнести и к действиям родителей как законных представителей детей.

С другой стороны, согласно ст. 87 СК РФ трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей, и в данном случае при заключении соглашения об уплате алиментов плательщиком алиментов будет выступать совершеннолетний ребенок, а получателем алиментов – нетрудоспособный родитель. В случае, если нетрудоспособный родитель является дееспособным лицом, то он сам вправе как заключить такое соглашение, так и изменить или расторгнуть его, реализуя свои права в рамках п. 1 ст. 450 ГК РФ. Прекратить обязательство прощением долга в данном случае также возможно.

Если получатель алиментов – нетрудоспособный и недееспособный родитель, то, обращаясь к доводам, изложенным выше, прощение долга также представляется невозможным.

Второй блок алиментных обязательств – алиментные обязательства супругов и бывших супругов. Статья 89 СК РФ определяет категории лиц, имеющих право требовать предоставления алиментов с супругов или бывших супругов в судебном порядке. В этом случае, как уже отмечалось, прощение долга по алиментным обязательствам невозможно. В случаях, когда речь идет о заключении соглашения об уплате алиментов между дееспособными супругами или бывшими супругами, то прощение долга также представляется возможным.

Такой же подход применим и в отношении алиментных обязательств, возникающих между другими членами семьи, в зависимости от субъектного состава таких обязательств.

В отношении обязательств вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина следует отметить, что ст. 1064 ГК РФ закреплено, что такой вред подлежит возмещению в полном объеме лицом, его причинившим, а судебными актами по конкретным делам подтверждается правовая позиция, что данная норма является императивной и не допускает возможности снижения размера подлежащего возмещению вреда на основании соглашения сторон. Изменение размера возмещения вреда возможно только в сторону его увеличения [22]. Соответственно, и прощение долга по такому обязательству недопустимо.

Однако в случае, когда стороны правоотношения по возмещению вреда, причиненного жизни или здо-

ровью гражданина, решают вопрос такого возмещения во внесудебном порядке, заключая соответствующее соглашение, которое также квалифицируется как гражданско-правовой договор, прощение долга возможно при условии, что потерпевшей стороной опять-таки выступает дееспособное лицо. Когда потерпевший недееспособен, то в его интересах действует опекун, который, как уже отмечалось выше в отношении алиментных обязательств, не имеет права действовать вопреки имущественным интересам подопечного, следовательно, прощение долга при таких условиях невозможно.

6. Прощение долга и возникновение налоговых споров

Может показаться на первый взгляд, что все правовые неопределенности настигнут сделку по прощению долга только при возникновении судебных споров между сторонами, например, если кто-то из них решит признать прощение недействительным или в рамках процедуры банкротства кредитора сделку попытается оспорить конкурсный управляющий. Однако на самом деле с проблемой соответствия сделки предъявляемым требованиям стороны столкнуться на стадии выездной налоговой проверки.

Главной причиной, по которой прощение долга должно стать для коммерческих организаций открытым, применимым и понятным способом прекращения обязательств – это избежание многочисленных налоговых споров. Их суть заключается в тех налоговых последствиях, которые порождает прощение долга для кредитора и должника. На практике, простив долг, кредитор зачастую списывает в налоговом учете прощенную сумму в свои расходы как безнадежный долг, тем самым уменьшая налогооблагаемую базу по налогу на прибыль. Тогда как в ст. 266 Налогового кодекса РФ [23] (далее – НК РФ) установлен закрытый перечень оснований для признания долга безнадежным, одним из которых действительно признается способ прекращения обязательства, но не прощением долга, а невозможностью исполнения. Таким образом, можно сделать вывод, что прощение долга не может признаваться безнадежным долгом и соответственно списываться в учитываемые при налогообложении расходы кредитора.

Вместе с тем в одном из своих решений ВАС РФ разрешил подобные действия, но только если в прощении долга можно будет выявить обоснованность, т.е. наличие того же экономического интереса или имущественной выгоды кредитора [24]. Несмотря на это, инспекции Федеральной налоговой службы стремятся оспорить эту обоснованность, признать прощение долга способом реализации договора дарения (и, как следствие, признание его недействительным), чтобы доначислить налог на прибыль (20% от суммы

прощенного долга) и пени, взыскать штраф, что может составить довольно значительную сумму [25].

Прощение долга, разумеется, сказывается и на налогооблагаемых доходах должника. Должник учитывает у себя сумму расходов при налогообложении в том периоде, когда произошла реализация (исполнение договора), но впоследствии эти расходы не несет из-за прощения долга. На основании подп. 1 п. 1 ст. 250 НК РФ такое прощение должно признаваться для должника внереализационным доходом, который облагается налогом на прибыль, причем в доходы включается сумма долга с учетом налога на добавленную стоимость.

Таким образом, налоговые органы в такой ситуации доказывают наличие налогооблагаемого дохода у должника и необоснованность расходов у кредитора на списание такого долга. Одним из исключений может быть признана ситуация, при которой кредитором является материнская компания либо учредитель организации с долей более 50%. В таком случае у должника не возникает налогооблагаемого дохода (подп. 11 п. 1 ст. 251 НК РФ).

Подводя итоги под исследованием проблемы института прощения долга, однозначно можно судить только о том, что такой институт существует в законодательстве, используется правовой доктриной и применяется судебной практикой, а также остается востребованным не только в качестве способа прекращения обязательств, но и в качестве пространства для вечной и многогранной научной дискуссии. Представляется, без внесения изменений в ГК РФ достичь единообразия в применении данного института на сегодняшний день невозможно, как и невозможно дать однозначные ответы на поставленные в данной статье вопросы.

Можно лишь представить собственный взгляд на правовую природу прощения долга, который значительно упростил бы понимание и применение данного института, если бы нашел свое отражение одновременно в законодательстве и разъяснениях судебных инстанций.

Прощение долга – это двусторонняя сделка по прекращению обязательства, требующая обязательного согласия должника на ее совершение. Согласие может быть выражено в любой форме, в том числе в виде акцепта молчанием. Предметом прощения долга является право требования, т.е. обязательственное субъективное право, вытекающее из договора или являющееся внедоговорным, кроме обязательств, прекращение которых возможно лишь исполнением. Прощение долга может быть применено к обязательствам в двух формах: как способ реализации договора дарения, который подчиняется установленным запретам; как самостоятельная сделка по прощению долга между коммерческими организациями с обязательным указанием на отсутствие намерения одарить должника. Прощение долга – это безвозмездная сделка, не предполагающая встречного предоставления. При прощении долга между коммерческими организациями необходимо составлять соглашение, в которое одновременно будут входить, во-первых, положения о прощении долга с точным указанием прощаемого обязательства, и, во-вторых, доказательства имущественной выгоды или иного экономического интереса кредитора. Необходимо явно указывать на взаимосвязь между прощением долга и имущественной выгодой (экономическим интересом).

Институту прощения долга предстоит пройти свой долгий путь применения на практике, в том числе в связи с новыми разъяснениями Верховного Суда РФ и актуальной потребностью в прекращении обязательств. И насколько бы ни была занимательной сложившаяся дискуссия, каждый исследователь данного института мечтает однажды увидеть отражение собственного анализа и понимания прощения долга на страницах законодательства. На самом же деле главная цель в решении большинства проблем прощения долга – создание выработанного механизма прощения долга на практике, а также типового соглашения, понятного образца, который позволил бы всем участникам гражданского оборота без страха и упрека прощать своих должников.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 8.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая : Общие положения. 3-е изд., стереотип. М. : Статут, 2001.
3. Постановление Президиума ВАС РФ от 4 декабря 2012 г. № 8989/12 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Ноздрачева А. Ю. Обзор судебной практики по вопросу соотношения института прощения долга со смежными правовыми конструкциями // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 7.
5. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 8 июня 2017 г. по делу № А70-6147/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 23 августа 2016 г. по делу № А10-2788/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Верховного Суда РФ от 20 августа 2020 г. по делу № 306-ЭС19-2986(5) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Правовые позиции ВС РФ по сделкам, договорам и обязательствам за июнь–август 2020 года: обзор и комментарий // Закон.ру : сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2020/09/11/pravovye_pozicii_vs_rf_po_sdelkam_dogovoram_i_obyazatelstvam_za_iyun_-_avgust_2020_goda_obzor_i_komm (дата обращения: 07.01.2021).

9. Хилюта В. В. Имущественная выгода как субъективный признак преступлений против оборота объектов гражданских прав // Вестник Полоцкого государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 5.

10. Панюшкина Е. В. Теоретические аспекты реализации экономических интересов в условиях современной экономики : автореф. дис.... канд. экон. наук. Ярославль, 2013.

11. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28 апреля 2018 г. по делу № А75-5697/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Павлов А. А. Прекращение обязательств. Авторский онлайн-курс // LF Академия : сайт. URL: <https://lfacademy.ru/c/course/2980244> (дата обращения: 07.01.2021).

13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

14. Ксенофонтова Д. С. Правовые гарантии в сфере алиментирования: монография. М. : Статут, 2018.

15. Комментарий к гражданскому кодексу Российской Федерации (часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ) (постатейный). Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2019.

16. Кулаков В. В. Обязательственное право : учебное пособие. М. : РГУП, 2016.

17. Чефранова Е. А. Имущественные отношения в российской семье : практическое пособие. М. : Юристъ, 1997.

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

19. Рабец А. М. Алиментные обязательства и отношения по опеке и попечительству : проблемы сосуществования // Современное право. 2018. № 2.

20. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.

21. Руководство по соблюдению обязательных требований в сфере опеки и попечительства в отношении совершеннолетних недееспособных граждан (2019) (утв. Рострудом) // СПС «КонсультантПлюс».

22. Апелляционное определение Московского городского суда от 28 августа 2018 г. по делу № 33-37734/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

23. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

24. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 марта 2010 г. № ВАС-3616/10 // СПС «КонсультантПлюс».

25. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 октября 2013 г. № 3710/13 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 11 June 2020 No. 6 “On Some Issues of Application of the Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Termination of Obligations”. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2020. No. 8.

2. *Braginskii M. I., Vitrianskii V. V. Contract Law. Book One: General Provisions*. 3rd ed. Moscow: Statut, 2001.

3. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 4 December 2012 No. 8989/12 (SPS “ConsultantPlus”).

4. *Nozdracheva A. Iu. Review of Judicial Practice on the Relationship Between the Institution of Debt Forgiveness and Related Legal Structures*. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2019. No. 7.

5. Resolution of the Eighth Arbitration Court of Appeal of 8 June 2017 in case No. A70-6147/2016 (SPS “ConsultantPlus”).

6. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Buryatia of 23 August 2016 in case No. A10-2788/2016 (SPS “ConsultantPlus”).

7. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 20 August 2020 in case No. 306-ES19-2986(5) (SPS "ConsultantPlus").

8. Legal Positions of the Supreme Court of the Russian Federation on Transactions, Agreements and Obligations for June–August 2020: Review and Comment. URL: https://zakon.ru/blog/2020/09/11/pravovye_pozicii_vs_rf_po_sdelkam_dogovoram_i_obyazatelstvam_za_iyun_-_avgust_2020_goda_obzor_i_komm (date of the application: 07.01.2021).

9. Khiliuta V. V. Property Benefit as a Subjective Sign of Crimes Against the Circulation of Objects of Civil Rights. *Bulletin of the Polotsk State University. Economic and Legal Sciences*. 2017. No. 5.

10. Paniushkina E. V. Theoretical Aspects of Realization of Economic Interests in the Conditions of Modern Economy: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Economic Sciences. Yaroslavl, 2013.

11. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of 28 April 2018 in case No. A75-5697/2017 (SPS "ConsultantPlus").

12. Pavlov A. A. Termination of Obligations. Author's Online Course. URL: <https://ifacademy.ru/c/course/2980244> (date of the application: 07.01.2021).

13. Family Code of the Russian Federation of 29 December 1995 No. 223-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 1. Art. 16.

14. Ksenofontova D. S. Legal Guarantees in the Sphere of Alimony: Monograph. Moscow: Statut, 2018.

15. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (part one of 30 November 1994, No. 51-FZ) (itemized). Saratov: Ip Er Media, 2019.

16. Kulakov V. V. Obligations Law: Textbook. Moscow: Russian State University of Justice Publ., 2016.

17. Chefranova E. A. Property Relations in the Russian Family: Practical Guide. Moscow: Iurist, 1997.

18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26 December 2017 No. 56 "On the Application of Legislation by Courts When Considering Cases Related to the Recovery of Alimony". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2018. No. 4.

19. Rabets A. M. Alimony Obligations and Relations of Custody and Guardianship: Problems of Coexistence. *Modern Law*. 2018. No. 2.

20. Federal Law of 24 April 2008 No. 48-FZ "On Guardianship and Trusteeship". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2008. No. 17. Art. 1755.

21. Guidelines for Compliance with Mandatory Requirements in the Field of Guardianship and Guardianship in Relation to Adult Incapacitated Citizens (2019) (approved by Rostrud) (SPS "ConsultantPlus").

22. Appellate Ruling of the Moscow City Court of 28 August 2018 in case No. 33-37734/2018 (SPS "ConsultantPlus").

23. Tax Code of the Russian Federation (Part Two) of 5 August 2000 No. 117-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2000. No. 32. Art. 3340.

24. Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 26 March 2010 No. VAS-3616/10 (SPS "ConsultantPlus").

25. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 22 October 2013 No. 3710/13 (SPS "ConsultantPlus").